

страстилось къ опиуму и азартнымъ играмъ на деньги. Постоянное общеніе съ китайцами, съ проѣзжими богомольцами и торговцами сдѣлало изъ алашань'цевъ пронырливыхъ, мелочныхъ, жадныхъ и наглыхъ торгашей, превзошедшихъ въ этомъ отношеніи даже китайцевъ.

Кстати, скажу нѣсколько словъ и о китайцахъ, съ нѣкоторыхъ поръ начавшихъ селиться на алашань'скихъ земляхъ. Съ самаго начала основанія резиденціи вана въ Дынъ-юань-инѣ китайцамъ разрѣшалось пріѣзжать сюда только съ товарами, безъ семействъ; и лишь пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда правитель Алаша оказался въ большомъ долгу у китайцевъ, послѣдніе начали по-немногу перевозить въ Дынъ-юань-инъ свои семьи, на что ванъ смотрѣлъ „сквозь пальцы“. Въ настоящее время всѣ китайцы торговцы и ремесленники живутъ въ городѣ какъ у себя на родинѣ. Могущія отойти подъ культуру хлѣба лучшія алашань'скія земли, располагающіяся вдоль западнаго подножья Алашань'скаго хребта, также начали переходить въ цѣпкія руки китайцевъ. Китайцы торговцы уже не ограничиваются торговлей въ одномъ Дынъ-юань-инѣ; ихъ лавки разбросаны вездѣ, гдѣ только сосречены кочевья алашань'цевъ. За право торговли въ Алаша китайцы вносятъ вану незначительный налогъ, равно не обременительна плата и за арендуемая ими пахотныя земли.

Въ первой половинѣ минувшаго столѣтія дунгане имѣли одинаковыя съ китайцами права на вѣздъ и торговлю въ Дынъ-юань-инѣ, но послѣ возстанія въ шестидесятыхъ-семидесятыхъ годахъ они были изгнаны изъ страны и имъ не разрѣшалось даже во время переѣзда оставаться на одномъ мѣстѣ свѣше трехъ сутокъ. Послѣ же возстанія, происходившаго въ 1895—1896 годахъ, дунганамъ запрещено останавливаться проѣздомъ черезъ Алашань, болѣе нежели на одну ночь, затѣмъ они должны слѣдовать дальше.

Все алашань'ское населеніе съ ваномъ во-главѣ подчинено манчжурскому чиновнику „Цзурганъ-и-цзангинъ“, проживающему въ городѣ Нинъ-ся. Рѣшенія дѣль посылаются къ нему на его разсмотрѣніе и утвержденіе. Непосредственныя власти въ Алаша: ванъ, два тусулакчи, цзахиракчи, мэйрэнъ, два цзалана, восемь цзангиновъ, по числу восьми сотенъ, на которыя дѣлится Алаша и, наконецъ, восемь хундэ. Всѣ эти чиновники утверждаются высшими властями въ Пекинѣ. Кромѣ этого официальнаго штата у вана имѣется еще неофициальный, численностью не менѣе двухсотъ человѣкъ, разныхъ званій и положеній, которыхъ жалуетъ и разжаловываетъ самъ ванъ по собственному усмотрѣнію.